



Елена Арсеньева
Любушка-голубушка

«Автор»

2009

Арсеньева Е. А.

Любушка-голубушка / Е. А. Арсеньева — «Автор», 2009

ISBN 978-5-699-33792-7

«Я прожил пятьдесят лет. Но если вычесть из них те часы, что я жил для других, а не для себя, то окажется, я еще в пеленках», – говорил английский писатель Чарлз Лэм. И вправду, в пятьдесят все только начинается. Брошенная мужем и потерявшая спокойную, комфортную работу, Любушка вдруг преображается, у нее будто открывается второе дыхание. Дети выросли и разъехались. А значит, пришло время, чтобы начать, наконец, жить для себя. И вот Люба идет по осеннему парку и ест медово-желтые яблоки, ощущая их прохладу, сочность, сладость, их невероятный, почти сказочный вкус... Пятьдесят – это все-таки прекрасный возраст, и жизнь только-только начинается.

ISBN 978-5-699-33792-7

© Арсеньева Е. А., 2009

© Автор, 2009

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

32

Елена Арсеньева

Любушка-голубушка

Отговорила роуца золотая

Березовым, веселым языком...

Сергей Есенин

*Я прожил пятьдесят лет, но если вычесть из них те часы, что я
жил для других, а не для себя, то окажется, что я еще в пленках.*

Чарльз Лэм

...Он Любу не заметил. Или заметил, но не узнал. Скользнул равнодушным взглядом – и отвернулся. Конечно, ее теперь трудно узнать. Да ему и в голову не могло прийти, что здесь, в мясном отделе Старого рынка, куда он привел молодую жену, он столкнется с Любой – со своей бывшей, старой, брошенной женой... матерью его сына и дочери, между прочим.

И все же не узнал!

А может, дело было не только в том, что он не ожидал встретить тут Любу, и к тому же в столь непривычном облике. Он ее просто в упор не видел. Вообще. Как будто ее нет. Люба для него перестала существовать. Она для него даже не умерла – ее просто не было! Ни в прошлом, ни в настоящем, ни в будущем. Настоящее – и, наверное, будущее – принадлежало этой бело-волосой худышке с нежным овечьим личиком и лиловыми глазами, которую он медленно вел от прилавка к прилавку, как будто не свинину или там говядину выбирал, а демонстрировал молодую жену и продавцам, и даже тем же свинине с говядиной.

Ну что же, свое настоящее и будущее он обустроил очень хорошо. Он счастлив. А Люба? А все, что произошло с ней? За что, почему?! В чем она виновата?

Ни в чем. Виноват с самого начала был вот этот человек, который сейчас важно шествует по мясным рядам, ведя в поводу свою любимую овечку. Все началось с того зимнего дня, когда в его жизнь вошла Снегурка. Если бы он тогда не спятил, если бы не дал себе волю, Люба сейчас не стояла бы, согнувшись от боли, которая со вчерашнего дня разламывала ей сердце.

В самом деле, кого она винила? Дениса? Эльку? Себя? Нет, это ерунда. Это только следствие. Нужно было с самого начала винить Виктора Ермолаева, ее бывшего мужа. Он – первопричина всех зол. Он и Снегурка! Когда Люба поняла это и с болезненной внезапностью осознала, что он все забыл и не чувствует за собой никакой вины, она подумала, что сегодня заточила этот нож не напрасно. Хороший такой нож – с длинным лезвием и удобной ручкой, он даже на вид был острый, когда Люба его покупала, но девчонки предупредили, что его надо еще заточить у корейца Миши, который стоит слева от центрального входа в рынок.

– Новенькая девочка, – сказал он Любе с улыбкой, когда она в первый же день работы протянула ему свои инструменты. – И ножи новенькие. А за неточеные по сотне сверху.

Люба только глазами хлопнула, а он снова улыбнулся:

– Работы с новыми больше. Потом, когда во второй раз придешь с этими ножами, я возьму только основную цену. Но за первую точку всегда больше. Ну как, точим?

Люба смотрела на него, а видела свой пустой кошелек. Ну не могла она точильщику эти три сотни выложить! У нее до первой получки оставалось всего пятьсот...

Люба подумала: да ну, ерунда, ножи и так острые. Новые ведь! И сказала гордо так:

– Нет, не точим.

И пошла в рынок.

Вот это Люба усвоила, что здесь так и говорят: в рынок. *На* рынок идут покупатели. А они, продавцы, они всегда идут *в* рынок. Работают *в* рынке. Да, это она уяснила сразу, а то,

что инструмент для продавца так же важен, как товар, не поняла. Ну, через час работы, когда начала пленочки с мяса счищать, постигла на собственном опыте.

Главное, это была ее первая покупательница! До этого Люба целый час проторчала столбом без дела, только глазами водила вслед тем, кто переходил от стола к столу и смотрел на мясо так, будто видел его уже приготовленным и надеялся определить, вкусно получилось или нет. А у некоторых взгляд был подобен рентгену – и рентгеном этим они просвечивали несчастный кусок говядины, баранины или свинины так, словно хотели вызнать родословную той коровы, чушки, ярки, которой некогда принадлежала эта шейка или эта вырезка. «Неужели и я ходила по рынку с такой брезгливой физиономией? – думала Люба почти испуганно, наблюдая за покупателями. – Смотреть тошно!» Видимо, у той коровы и барашка, которых она сегодня выложила на прилавок в виде говядины и баранины, было что-то не в порядке с дальними предками, потому что Любу пока что обходили стороной, и вот... и вот наконец эта толстушка с приветливым лицом...

– Покажите мне этот кусочек, – ткнула она пальчиком.

Люба радостно подхватила вилкой изрядное баранье бедро, так и этак повертела. Кусок шлепнулся на прилавок, но она снова ткнула его вилкой, да покрепче...

– Все мясо перепортила, – буркнула какая-то бабка, проходя мимо.

«Да и правда, что же я делаю?!»

Люба опомнилась, отбросила вилку, схватила кусман прямо руками, наткнулась пальцем на осколок косточки и чуть не взвыла – он вонзился почти под ноготь, от боли даже холодно стало. Но Люба виду не подала – героически улыбалась и вертела несчастный кусок баранины...

– Какой-то он очень уж синий, – опасливо сказала покупательница.

– Да это клеймо на пленочку перешло, это ерунда, это мы срежем!

Люба с готовностью взялась за нож и попыталась срезать пленку, да не тут-то было. Лезвие лишь скользнуло поверху, и острое чуть не воткнулось ей в руку. Нож не резал. Схватила другой – та же история.

– Инструмент точить надо, – на весь зал воскликнула толстая брюнетка, стоявшая через стол от Любы. Вроде бы Аллой ее называли, когда женщин знакомили, а может, Валею, Люба так сразу не смогла запомнить. Потом узнала – звали ее Валею (и они даже подружились позднее!), а прозвище она носила – Баранья, потому что торговала исключительно бараниной. Баранина – мясо тугое, крепкое, ножи должны быть даже не как бритва, а острее раза в два. Вот потому Валя воскликнула так презрительно. И сразу – совершенно с другой интонацией: – Вам бараньки? Идите сюда, у меня тоже баранька. Сегодня привезли. Вам что? Ребрышки? Задок вон какой славненький... А пленочку мы срежем, вот, пожалуйста!

И она проделала это легким взмахом своего острого ножа.

Разумеется, Любина покупательница перешла к ней, разумеется, купила изрядный кусок, разумеется, Валя двадцать раз повторила, что у нее всегда есть свежая баранина, потому что она на баранине специализируется, а для постоянных покупателей имеется скидочка... И конечно, эта дамочка ей обещающе улыбнулась и ушла, стараясь даже не глядеть в Любину сторону. Может, ей неловко было. А может, тошно на неумеху смотреть. Ну что ж, «неумеха» немедленно побежала к Мише-корейцу. Отдала ему за три новых ножа триста рублей сверху, оставшись практически с пустым кошельком... но зато больше не позорилась перед покупателями, и вечером Степа, Любин как бы работодатель, рубщик, мясом которого она торговала... то есть не его мясом, конечно, что за смех! – а тем, которое он поставляет для продажи, – ну вот, вечером Степа заплатил Любе за первый день работы, так что кошелечек ее пополнился. Тогда Люба и поняла, что люди идут в рынок за главным – за живыми деньгами. В офисе жди, когда еще настанет день зарплаты. А тут она всегда при тебе! И этим надо дорожить... С тех пор Люба всегда вовремя точила ножи так, как надо. Если Миша был перегружен, их правил

на брусках Степа. Но сегодня Люба как раз успела к Мише. И нож был такой, что, взмахни им и подбрось волосок – он этот волосок разрубит.

В самый раз годится для того, что Люба надумала сделать. Она только еще не решила, кого ткнет этим ножом: его – или ее. Своего бывшего – или его новую...

Черно-белое кино воспоминаний

Первый раз Виктор задумывал уйти от жены давно, еще лет десять, теперь даже одиннадцать назад, в 98-м. Тогда ударил дефолт... про него можно сказать, чуть перефразируя блатную песню: «Кто не был – не поймет, а кто был – не забудет». Так потряхнуло страну, боже ж ты мой! Вот и Ермолаевы не знали, как в этом ужасе выжить. Сбережения их сгорели, зарплату не выдавали ни Виктору в его проектный институт, ни Любе в ее типографии. Но все же надо было как-то перемогаться. И они решили на время уехать в деревню. Сдали городскую квартиру «чебурекам» со Старого рынка, которые давали очень даже неплохие деньги, и перебрались в Доскиново, в дом, который достался Виктору от бабки. В доме этом очень даже можно было жить. Дети теперь на двух автобусах, пригородном и городском, ездили в свою прежнюю школу, Люба стала работать в магазине – там как раз уволилась продавщица, а хозяин не хотел брать своих, доскиновских, потому что воровали они отчаянно, спасу от них никакого, а у Любы на лице написано, что человек порядочный, лучше по миру пойдет, но не украдет. Виктору повезло – устроился в строительную автоколонну, на «МАЗе» ездить. Тогда было странное время... то есть оно как началось после перестройки, так и тянулось уже более десяти лет: люди свои жизни так и сяк перекраивали, пытались подогнать под те лекала, которые им, что ни день, подбрасывало обезумевшее государство. Учителя, врачи, инженеры челночили по Турциям-Китаям, вербовались в артели тайных старателей, организовывали собственные фирмы и фирмочки, обладавшие прочностью мыльных пузырей, кто-то натурально шел на большую дорогу: иные в дальнотойщики, иные в разбойники, иные в проститутки... Ермолаевы, хоть и поменяли самым резким образом свою судьбу, все же пытались работать честно и сохранить хотя бы иллюзию прежней жизни.

Между прочим, Виктор еще в юности мечтал стать шофером. Но родители его были сильно умные и запихали сына в политехнический, потому как за позор считали, что у родителей-врачей – интеллигентов! – сын в водилы пойдет, института не закончит, под «поплавок» лацкан не продырявит. А он, крутя теперь баранку «МАЗа», не считал это за позор.

Ну, начали приживаться в деревне, Ермолаев вкалывал день и ночь. Машины в автоколонне были старые, побитые и скрипучие, но ремонтники оказались ну просто звери, транспорт выходил на линию всегда. А главное, зарплата хорошая, ее иногда задерживали, конечно, однако все же выплачивали рано или поздно, да и Люба в своем магазине всегда при деньгах. Тогда она и почувствовала вкус живых денег, оттого и пошла потом в рынок, когда ее из корректоров в очередной раз сократили.

Но это еще впереди, а пока речь о доскиновском периоде их жизни.

...Помнится, случилось это в самом конце марта. Как раз около полудня, когда Ермолаев поставил свой «МАЗ» под разгрузку на стройплощадке в Дзержинске, мастер Вислогуз позвал его в прорабку к телефону. Слышно было плохо, и Виктор насилие разобрал, что на автобазу приехали с телевидения, с канала «НН-1», а нужен им он, Ермолаев, так что пускай немедленно, не заезжая на перевалку, мчит обратно в поселок, чтобы не заставлять важных гостей попусту ждать.

Виктор оживился. Телевизор он смотрел редко и вообще его не любил. Ну разве что если хороший фильм покажут. А все остальное, особенно новости... Эти ошалелые мужики и женщины с лютыми глазами изо всех сил уверяли народ, что жить вообще не стоит, то есть в принципе, потому что все мы сидим в одной общей помойке, из которой никогда не выберемся. Не

нужно даже и дергаться. Однако местный канал «НН-1» исповедовал другие идеи. Последние из могокан, работавшие на этом канале, пытались убедить зрителей, что жизнь идет своим чередом, несмотря на войну в Чечне, дефолт, чудовищные международные кредиты, вранье в Думе, несмотря даже на вечно пьяного удальца, сидевшего на троне, и то гуляйполе, которое стало кругом. Если каждый будет делать свое дело, рано или поздно вся эта дичь утихомирится, уверяли они. Виктор Ермолаев не слишком-то в светлое будущее верил, но канал этот уважал. Он напоминал о том времени, когда была страна СССР со своим прошлым и будущим, а не эта неразбериха, когда позади и впереди у государства одна клубящаяся тьма, в которой черт ногу сломит. И в настоящем – то же самое, что характерно... Если бы приехали телевизионщики с другого канала, Ермолаев бы не суеился, занимался бы своими делами. Приезжали тут какие-то с «Ока-Волги», что ли, заставляли Ермолаева и его приятеля Серегу Шатилова то въезжать в ворота автобазы, то выезжать, потом копаться в моторах, стоять одной ногой на подножке «МАЗа», придерживаясь за полуоткрытую дверцу так, будто они вот сейчас сядут за руль и помчатся навстречу различным трудовым достижениям, а сами в своих «Новостях» показали только вывеску автобазы да старый гараж, которым никто не пользовался, и дали информацию, что автобаза такая-то на ладан дышит, потому как хозяин все вырученные деньги пускает на постройку своего коттеджа в Афонине, а сведения такие якобы получены от водителей Ермолаева и Шатилова. Ничего так себе, да? Виктор с Сережей еле-еле уверили начальство, что они тут ни ухом ни рылом, ни рукой ни ногой. Начальство ездило на телестудию разбираться, последовали извинения, мол, редактор перепутал два материала и дал информацию, касаемую другого руководителя автобазы. Полный бред, короче... Бред нашего времени! Ну, словом, окажись здесь снова эти, с «Ока-Волги», Виктор Ермолаев ради них только мониторинговку покрепче бы в кулаке зажал, а если «НН-1»... ладно, можно и поспешить.

Порожний «МАЗ» погромыхивал на поворотах. Последнее время ударили морозы, зима ну никак не хотела сдаваться, шоссе было покрыто снегом, твердая, укатанная дорога скатертью стелилась под колеса. А Ермолаев рассеяннo глядел вперед, не обращая внимания на примелькавшие окрестности. Что смотреть? Весна идет. Зима злится, а весна идет. Стволы осин наливаются соком, сугробы рыхло оседают, сереют – март на исходе!

Слева, на пустынной поляне, мелькнула одинокая лиственница с искривленной верхушкой, похожая на букву Г. Под ней торчал одинокий покореженный «КамАЗ» – машина ермолаевского соседа, Игоря Филиппова. Здесь был крутой поворот, опасный такой. Третьего дня этот «КамАЗ» не сбавил скорости на повороте и тюкнулся в ползущий навстречу бульдозер дорожников. Оба водителя отделались легким испугом, бульдозер потянулся дальше, а «КамАЗу» не повезло: никак не дождетсЯ, чтобы отбуксировали на ремонт.

На крыше кабины сидели две сороки. Ермолаев подивился расхлябанности эвакуаторов, подумал, что надо будет напомнить в автобазе про «КамАЗ», и осторожно разминулсЯ с летеvшей полным ходом «Волгой».

Мелькнули буквы «ТВ НН-1» на боку. Ермолаев усмехнулсЯ. Разъездились тут что-то телевизионщики. А может, это те, к которым он катит? Надоело ждать, что ли? Да и ладно, не очень-то и хотелось. Проблем меньше!

Он ехал своим путем.

День был сумрачный, влажный. Небо, тяжелое, точно отсыревшее, низко нависало над землей. Похоже, снова пойдет снег. Надоел уже!

Сзади засигналили. Ермолаев покосилсЯ в зеркальце – там моталась светло-серая «Волга», та самая, которая только что пронеслась мимо. Теперь она шла на обгон и старалась прижать «МАЗ» к обочине. Из кабины кто-то энергично махал.

Ишь ты!

«МАЗ» остановился. «Волга» проскочила вперед и тоже встала, взвизгнув тормозами. Дверцы распахнулись, вышли мужчина и женщина и быстро зашагали к ермолаевской машине. Тогда он тоже мягко выпрыгнул на дорогу.

Мужчина вдруг повернул назад к «Волге» и, сунувшись в салон, снова появился – с видеокамерой в футляре. Стал ее расчехлять.

– Вы Виктор Сергеевич? – спросила женщина, поправляя упавшие на лоб волосы. – Ермолаев? Телеканал «НН-1», корреспондент Ирина Петрова. Можно просто Ира. Мы вас чуть не проскочили, да, слава богу, номер вовремя заметили.

И она опять поправила волосы, а потом, сдернув перчатку, протянула Ермолаеву руку. Перчатка была белая. Волосы тоже – не просто блондинистые, а совсем белые. Белая курточка-дубленка и очень светлые, почти выгоревшие голубые джинсы. Белые сапожки. Сама белолицая: ни мороз, ни скорая ходьба не разрумянили; а губы розовые, как цветок, и глаза как два диковинных лиловых камня. Таких глаз Виктор никогда не видел. Таких глаз не было ни у кого на свете...

* * *

В дверь затрезвонили буквально через минуту после того, как Люба поговорила с Женькой и положила трубку. Он не набирал по мобильному – это слишком дорого, из Америки-то! Ночью выходил к какому-нибудь автомату (то есть это у него уже ночь, а у нас еще нет восьми утра, льготный тариф и там, и там) – Женька говорил, их мало в городе осталось, потому что у всех теперь сотовые, – и набирал домашний номер. У него было мало денег – какие деньги у студента! – поэтому он называл Любе номер этого автомата, и она ему перезванивала. Сначала это казалось ей совершенной фантастикой – мало того что в Америку звонить (ну что с того, что эта Сасквихенна не слишком известный город, ничего, все равно Америка, там даже университет есть, в котором и учится Любин сын, ее Женька – Евгений Ермолаев!), да к тому же в какой-то автомат, стоящий на перекрестке! Как в кино! Потом она привыкла. А еще через месяц у Женьки в комнате в общежитии тоже подключили телефон, и стало можно звонить оттуда. Конечно, это было проще, но не так интересно. Кроме того, они разговаривали ночью, а Женька в комнате жил не один, а с каким-то японцем, который от каждого шума просыпался и начинал ворчать. Женька со смехом говорил матери, что он уж лучше до автомата пройдет, чем потом всю ночь будет слушать, как Юко шебуршится. Юко – это японца так звали. Поэтому Женька по-прежнему бегал по ночам к автомату.

Короче, Женька только отключился, как снова раздался звонок. Люба по инерции схватилась за трубку и только потом сообразила, что звонят в дверь.

Подошла, глянула в глазок. На площадке маячила девушка в чем-то черном. Незнакомая девушка.

– Кто там?

– Телеграмма, – приветливо ответила девушка.

Что за новости?! Кто мог Любе телеграмму прислать?! Совершенно некому. Таня из своего Сиднея? Да нет, она звонила два дня назад... Или случилось что-то неожиданное?!

Люба начала открывать замки. Руки дрожали ужасно. Сразу вообразила: с беременной дочкой что-то произошло. Майкл, ее муж, по-русски знает только «привет-привет», «пока-пока», как в песне, вот и попросил кого-то из Таниных русских подруг прислать телеграмму...

Любе в голову всегда какая-то чушь лезла, причем пугающая чушь. С таким же успехом Майкл мог попросить Таниных подружек позвонить ей, это куда проще, чем с телеграммой возиться! Она обругала себя за то, что вечно ждет от жизни негатива (ну что поделаешь, пуганая ворона куста боится!), и наконец открыла.

Перед ней оказалась довольно высокая брюнетка в черном клеенчатом плашике и сапожках выше колен. Вид у нее вдруг сделался ужасно растерянный, лицо побледнело, и Люба сразу поняла, что что-то тут не так. Наверное, почтальонша не в ту квартиру заявила, телеграмма не Любе адресована. От сердца сразу отлегло, и она спросила:

– А вы уверены, что ничего не перепутали?

И хотела добавить – ничего, мол, страшного нет, не стоит так переживать, как вдруг девица покачнулась на своих каблучищах, ноги у нее подогнулись, и она начала падать прямо на Любу...

Та с перепугу отпрянула назад, в коридор, и девушка, конечно, рухнула бы плашмя и, возможно, разбила бы себе нос, прежде чем Люба сообразила бы, что ее надо поддержать (она вообще ужасно тормозила, как Женька сказал бы, в таких неожиданных ситуациях!), однако откуда-то сбоку, с лестницы, выскочил парень в рыжей замшевой куртке, подхватил девицу и гневно уставился на Любу темными глазами:

– Что ж вы так! Она ведь разбиться могла! Пустите-ка, я войду!

И, главное, так и пошел на Любу!

Она попятилась... конечно, а что делать, если эта бесчувственная деваха висела на его руках, как неживая, и острые носы ее сапог волочились по полу?

– Куда нести? – отрывисто спросил парень.

Люба молча отскочила от него в комнату, и он воспринял это как приглашение, вошел следом и свалил свою ношу на диван. Еще слава богу, что у Любы хватило ума остановиться, а не отступить в спальню, не то он отнес бы девицу на Любину еще не застеленную постель!

– Слушайте, – воскликнула Люба возмущенно, – откуда вы взялись?!

– Да я на ступеньках задержался, шнурок завязывал, – пояснил он, хотя Люба спрашивала вовсе не об этом, она имела в виду – вообще. И тут до нее дошел смысл его ответа. Получалось, он вместе с обморочной девицей, в одной с ней компании? Выходит, он тоже к Любе шел? То есть он что, сопровождающий разносчицы телеграмм?

Люба посмотрела на девушкины каблучищи. Сантиметров двенадцать, факт. Если бы Люба работала на почте, она бы лучше босиком пошла телеграммы разносить, чем на таких каблуках, честное слово.

Ага, и именно для поддержки – чисто физической! – она и прихватила с собой парня? Нет, если бы Люба заметила его в глазок, то ни за что не открыла бы. Вид у него подозрительный! Одет хорошо, но эти волосы, закрученные в узел на затылке... Люба длинноволосых навиделась, конечно, Женька тоже одно время с хвостом ходил, но у этого, наверное, был целый хвостище, который мешал ему жить, поэтому он его и закручивал каким-то бабьим узелком. Хотя в лице ничего бабьего не наблюдалось, лицо очень даже мужское, холодное и недоброе. Заметь его Люба раньше, заставила бы прочитать телеграмму на площадке... А была ли вообще телеграмма-то? Или они такой уловкой воспользовались, чтобы попасть в квартиру? И обморок – всего лишь притворство?

То-то парень так оглядывал комнату. Присматривается, что можно прихватить? Это воры, что ли? Грабители?!

Совершенно не к месту Люба вдруг вспомнила, что Виктор, бывший муж, называл сущим мещанством ее страсть украшать квартиру картинами, пледами, подушками, а когда она говорила, что старается ради уюта, зло огрызнулся, мол, мещанский это уют.

А ведь в доме есть вещи, которые пришлось бы по нраву любому грабителю! Которые можно сбыть таким же мещанам, как Люба.

Ее просто в жар бросило. Или в холод, она толком не поняла. Короче, взяла ее оторопь, стало жутко, она хотела закричать: может, услышит кто-нибудь из соседей?... Хотя шансов мало. А если и услышат, вряд ли бросятся на помощь! Кому это вообще нужно?

С другой стороны, кричать было глупо. Вдруг это и в самом деле разносчица телеграмм, а парень – просто ее парень, муж, например, или, как теперь говорят, бойфренд? Может, девушка беременна, поэтому и грохнулась в обморок?

И стоило Любе так подумать, как парень поднял на нее свои темные глаза и сказал:

– Она беременна. Три месяца. Аборт уже поздно делать, понимаете? Поэтому мы и пришли.

Люба только моргнула. И взглянула в его напряженные глаза. Если девица была совсем молодая, двадцать, ну, от силы двадцать два – двадцать три года, то парню на вид лет тридцать, а то и с хвостиком. И смотрел он на Любу не то осуждающе, не то настороженно. Как будто ждал ответа.

– Ничего не понимаю, – беспомощно проговорила Люба. – А при чем тут телеграмма?

– Да про телеграмму Элька придумала, – кивнул парень на свою спутницу, которая уже начала подавать признаки жизни: сделалась не такая мертвенно-бледная, приподняла ресницы и медленно, видимо, еще не вполне соображая, что с ней и где она, водила глазами по комнате. У Любы мелькнула мысль, что девица как бы оценивает простенькую обстановку, размышляет, что тут можно прикарманить... а впрочем, глупости, глаза ее оставались еще мутны и довольно бессмысленны. – Вбила себе в голову, что иначе вы с нами и разговаривать не станете и на порог не пустите.

Люба зябко стянула халат у горла. Ноги у нее тоже замерзли, и она вспомнила, что из-под халата торчит подол ночной рубашки. Рубашка была белая в синий горох, бязевая, теплая, просторная, очень любимая, но совсем простая, безо всяких кружев, оборочек или рюшей. И почему-то Любе стало стыдно от того, что этот парень видит ее хоть и чистую, но заношенную рубаху, краешек подола который обтерхался от частых стирок, и ноги ее голые видит, и старых «зайцев» – шлепанцы, которые ей когда-то подарил на Восьмое марта Виктор... Почему-то Люба именно сейчас вспомнила, что «зайцы» были подарены Виктором.

Это случилось, когда их семейные дела шли уже совсем плохо, и она догадывалась, что у Виктора кто-то появился, причем на сей раз – всерьез, не просто так, как было со Снегуркой. Но все оставалось только догадками, ничего конкретного, и Люба заставила себя скрепиться: мало ли что мерещится женщине, прожившей в браке добрую четверть века?! А у мужчин начинается кризис среднего, то есть, вернее, старшего среднего, возраста... с ними нужно быть тактичной, умной, понимающей... они одумаются и оценят верность аксиомы: старый, мол, друг лучше новых двух, в смысле, старая жена лучше двух новых. Но аксиома эта оказалась постулатом, то есть тем, что нуждается в доказательствах, и Виктор доказал ее совершенно неожиданным образом. То есть для всех этот образ был как раз ожидаем, только одна Люба, как курица, прятала голову в песок... хотя нет, это страус прячет голову в песок, а Люба совала ее под крыло и еще глаза зажимуривала: нет-нет-нет, все у меня хорошо, а если сейчас не слишком, то завтра непременно будет отлично! Ничего хорошо, тем паче – отлично в ее жизни не стало... и «зайцев» на Восьмое марта Витька притащил с теми же намерениями, с какими привез Любе из Сибири «камень счастья»: чтобы ее немного умаслить, усыпить жертву перед тем, как вонзить в нее нож.

И усыпил... Любе эти тапки понравились просто невозможно как, они оказались такие мягкие, уютные, с наивным выражением вышитых мордашек, глазки-пуговицы у них были косые, как и положено настоящим зайцам, и белки у глаз были голубые, а радужки – карие. Это придавало мордочкам жуликоватый и в то же время виноватый вид. Точно такой вид был у Виктора, у него даже глаза косить начали, но Люба решила, что это он смущается, потому что раскаивается, хочет отношения с ней наладить!

Наладил, как же... Через неделю заявил, что уходит из дому, так как нашел свою истинную любовь и хочет счастливо прожить остаток жизни. А она, Люба Ермолаева, та, которую Виктор когда-то называл «моя Любовь, Любовь моя», получается, была любовью НЕистинной.

Ошибочка вышла, короче говоря, звиняйте! И теперь Виктор эту судьбоносную ошибку решил исправить.

Когда они разводились, Люба хотела ему все его подарки вернуть. Браслет и цепочку итальянскую из белого золота и желтого, серьги с маленькими изумрудиками, что-то еще по мелочам... ну и, конечно, перстенок с «камнем счастья» – самоделка, серебро и камень вроде топаза, но не топаз: местные жители, которые этот камень втихую добывали и мастерили с ним поделочки разные, называли его «камнем счастья» и уверяли, что на руке счастливой, по-настоящему счастливой женщины он засветится теплым солнечным светом. Когда Виктор надел перстенок на палец Любе, физиономия его вытянулась: камень не засветился. «Ты со мной несчастна, да?» – спросил упавшим голосом, и Любе пришлось долго уверять его, что все это сущее суеверие. Ну как может камень сам по себе светиться?! Она даже книжку какую-то старинную отыскала про драгоценные камни и читала ему всякие байки на эту тему: мол, жемчуг, надетый на шею невинной девушки, наливается свежим блеском, а бирюза раскалывается на больном человеке, и еще что-то там мутнеет, а камень лигурий вообще способен оживить мертвых. В книжке приводился случай, как битая, засоленная птица, взятая на корабль в качестве провианта, в соседстве с лигурием ожила... Короче, излечила Люба больное самолюбие Виктора, но на камень он все же поглядывал с некоторой обидой, и постепенно Люба перестала этот перстень носить, чтобы мужа не травмировать, хотя перстень был красоты редкостной... Ну, разумеется, она хотела и его мужу вернуть вместе со всем прочим – хотела вернуть, да забыла, потому что украшения и «зайцы» с глаз долой куда-то подевались во время разводных дел. Люба их не могла найти и думала, что Виктор стащил, а потом подарит этой новой... молодой... и на ее пальце перстень «камень счастья» вдруг возьмет да засветится! Любу это ужасно мучило. А там она про все эти безделушки забыла: обмен квартиры, переезд, потом Женька сдавал свой «TOEFL», чтобы конкурс пройти и поехать в американский университет, вообще чудо, что сдал – в такой-то нервотрепке! И еще они ремонт в новой квартире затеяли – в смысле в той старой двухкомнатной хрущевке, куда переехали, – делали ремонт, потому что Женька знал, маме будет трудно без него с ремонтом справиться, а не делать его было никак нельзя: квартира запущенная, жить в ней – никакого удовольствия, к тому же Таня собиралась приехать на Новый год вместе со своим Майклом. А Любе хотелось, чтобы Женька уехал не из разора, не из разбомбленного прошлого, а из нового дома, из уютного дома, в который бы хотелось вернуться... она так боялась, что Женька останется в Америке, как однажды осталась в Австралии Таня, которая тоже вроде бы поехала только на практику!.. Ну, в общем, ей, конечно, было совершенно не до пропавших безделушек.

А потом, уже за день до своего отъезда, Женька сказал:

– Мама, ты меня прости: когда переезжали и собирали вещи, я сунул нечаянно кое-что в свою коробку с дисками, чтобы не потерялось, – и только сейчас вспомнил.

И он подал Любе «зайцев», в которые оказались засунуты ее любимые шерстяные носки: она всегда в них дома ходила – у них на старой квартире был почему-то очень холодный пол, – а в одном из носков нашлись те пропавшие золотые штучки, а вместе с ними и перстень с «камнем счастья».

Боже ты мой, как же Люба им обрадовалась! Женька соврал, конечно, она об этом тотчас догадалась... Люба ведь не скрывала, что намерена Виктору подарки вернуть, но он понимал, что, успокоившись, отдышавшись, так сказать (когда они с Виктором скандалили во время развода, Женька часто повторял: «Отдышитесь, родители, а то скоро будете друг в дружку сквородками швырять. Так себя вести – мешанство!»), ну так вот, он же знал, что, отдышавшись, она пожалеет об этих вещах, как могут жалеть только женщины, для которых вещи – не просто барахлишко, а некие знаки, вехи их жизни, их судьбы. Как бы ключики в прошлое.

Да нет, Люба не хотела вспоминать минувшее и не лелеяла воспоминания о том, как они с Виктором в 91-м году стояли в Ялте в жуткой, просто-таки нечеловеческой очереди за золотом,

потому что в ту пору это был единственный способ вложить деньги хоть с каким-то толком, чтобы не проснуться среди вороха обесценившихся, никчемных бумажек. Теперь Люба просто радовалась, что у нее есть возможность надеть эту цепочку, этот браслет, эти серьги. Разве купишь сейчас что-то новое? Разве это по ее деньгам? Всегда есть что-то более важное, чем драгоценности. Женьке послать перевод, Тане русских фильмов отправить и конфет «Птичье молоко», которые она обожает, а там, в Сиднее, таких нет... «Камень счастья» тоже жалко было бы потерять: в рынке не больно-то похвастаешь новыми платьями и туфельками, все там стоят в халатах и пилюлках, а под халатами надето что потеплей да попроще, поэтому и навешивают на себя всякие цапки. Ну, в бриллиантах мясо продавать – умора, конечно, это уж полный нонсенс, а вот с таким перстнем, как Любин, – почему и нет? Да ладно, пусть «камень счастья» и не светится, зато сам перстень красивый и оригинальный. Вот Люба его и носила. Ну а что до тапочек, она, конечно, могла бы купить новые, уж на такую ерунду у нее хватало, но Люба с этими «зайцами» сроднилась, честное слово, они, с их косыми милыми, какими-то одушевленными мордашками, были для нее вместо домашних животных, вместо кошек и собак... это были заслуженные, преданные «зайцы», и если уши у них обтерхались, а морды кое-где протерлись до дыр, то Люба этого даже не замечала.

Но вот сейчас заметила – под взглядом незнакомого парня...

Она вынырнула из воспоминаний, которые нахлынули, как Всемирный потоп, грозя затопить, уничтожить все те робкие ростки покоя, которые она с таким трудом взрастила, взлелеяла в своей душе, в своей жизни, и посмотрела на незнакомца со злобой.

Она ненавидела этого парня за то, что он заставил ее вспомнить!

– Слушайте, – тихо, яростно проговорила Люба. – Я-то тут при чем, если ваша девушка беременна, а сроки делать аборт уже вышли? Вы какого черта ко мне в дом ворвались? – Она никогда так не разговаривала с людьми. Но наглость этих молодых идиотов вывела ее из равновесия. – Вы что, меня за гинеколога приняли, который в домашних условиях криминальные аборт делает, что ли? Ну так вы адресом ошиблись, понятно? Поэтому берите вашу девушку и... – Она сердито махнула рукой на дверь. – Понятно?! Мне на работу пора, понятно?

Люба то и дело повторяла это «понятно?», а молодой человек покорно кивал. И вдруг кивать перестал, а взял да и покачал головой. И сказал:

– Да вы все не так поняли, Любовь Дмитриевна.

Люба уставилась недоумевающе:

– Откуда вы знаете, как меня зовут?!

– Да вот знаю. – Парень вздохнул и развел руками с таким выражением, как если бы хотел сказать: «Не хотелось, да вот судьба припала!» – Знаю. И еще раз говорю: вы все неправильно поняли. Я Элькин брат, меня Денисом зовут. Ну а она моя сестра, значит. И ехали мы не к какому-то там доктору по криминальным абортам, вот еще не хватало, а именно к вам! У вас ведь сын есть, Евгений Ермолаев?

– Да, – кивнула Люба. – Есть у меня сын Евгений. А что?

– Не догадываетесь? – Денис посмотрел исподлобья.

– Да нет, а о чем мне догадываться? – с независимым видом пожала плечами Люба... хотя она лукавила, конечно, она уже понимала, что собирается сказать Денис... И все равно – ее словно в лицо ударило, когда он проговорил:

– Элька от Евгения вашего беременна. Понимаете? Перед самым его отъездом у них была встреча... То есть они и раньше встречались, а тут вот так вышло... на прощанье... переспали. Ну и... Понятно?

Теперь он задал этот вопрос, а Люба тупо кивнула. Да чего уж тут не понять?!

* * *

Бывают дни как дни, а бывает кошмар какой-то, честное слово. Такое впечатление, что всю ночь облака черные клубились над твоей судьбой, а утром разразились грозой, которую копили всю ночь.

Проверки на Старом рынке случаются часто, раз в неделю – это уж обязательно: если надо для отчетности санэпидстанции, налоговикам или участковым какую-нибудь гадость сыскать, они идут на рынок, оттуда ведь с пустыми руками не уйдешь, обязательно на какое-то нарушение наткнешься; но чтобы два прямых попадания в день в одного и того же продавца – это уж чересчур. Ну, уже понятно, кто стал этим разнесчастным, разбомбленным продавцом...

Сначала притащился участковый. Новый. Чокнутый и упертый. Старый был добродушный, тихий дяденька, который все на свете понимал и входил во все положения, прочно усвоив за жизнь, что все мы люди, все мы человеки, а человеку без ошибок никак не обойтись. Он любил эти слова повторять, Любу они всегда успокаивали, да и не одну ее, поэтому никто особенно не злился на старого участкового, даже когда он цеплялся к кому-нибудь. Ну, прицепится, к примеру, что без пилотки форменной стоишь, ну, побранит, ну, скажешь ему:

«Честное слово, Григорий Иванович, я в последний раз. Ну не пишите протокол, а? Зачем эту волокиту разводить? Посмотрите лучше, какое у меня сегодня мясо чудное. Вот телятинка свеженькая, только вчера забили, сегодня утром из Уразовки привезли. Печеночка есть отличная, языки... Языки, Григорий Иванович! А?.. Давайте посмотрим что-нибудь к столу, а?»

Григорий Иванович языки очень любил, причем он был человек покладистый и, если не оказывалось мясистых, мягких говяжьих, охотно соглашался на два свиных, хотя они и суховаты, и жестковаты, их лучше в салаты, а так-то просто, с хреном, они не слишком хороши...

А потом Григорий Иванович взял да и умер от сердечного приступа, царство ему небесное, доброму человеку, и пришел на его место этот новый. Фамилия его была Капитонов, а он, наверное, решил, что Капитанов, и вообще – что он по меньшей мере капитан милиции, а не какой-то там старшина. Когда Григорий Иванович покойный шел с проверкой, он всегда останавливался у входа на рынок – чтобы его заметили, стало быть. Чтобы заметили и смекнули: участковый тут не просто так торчит, наслаждаясь хорошей погодой. Он скоро с проверкой пойдет. И поэтому все, так сказать, заинтересованные лица быстренько улаживали все, что было у них не в порядке, а те, кто уладить по каким-то причинам не мог, предпочитали на сегодня вообще закрыться, чтобы проблем лишних не создавать. Григорий Иванович, конечно, был сговорчивый человек, но тоже – в разумных пределах, денег вообще не брал, с этим и соваться к нему не стоило, если не хотелось нажить неприятностей, а кому этого хотелось?!

Словом, с Григорием Ивановичем вполне можно было мирно сосуществовать. А с этим Капитоновым...

Он умудрялся как-то так просочиться на рынок, что его никто не замечал, даже Рашид, который возле верхних ворот фрукты продает, так что мимо него в принципе муха не пролетит! Капитанова не отслеживали даже бабки, сидевшие с семечками и орехами возле нижних ворот. Он передвигался по рынку, словно был в шапке-невидимке, и первым делом следовал в мясной отдел. И тут шапку-невидимку срывал – и налетал, как вихрь... на Любу Ермолаеву.

– Запал на тебя, – смеялись продавцы.

– Чтoб он пропал! – ворчала Люба.

– Крутой поклонник! – пошучивали над ней.

– Да я кому угодно в ножки поклонилась бы, только бы избавили от такого поклонника, – отмахивалась Люба.

Ну, короче, и в этот день участковый Капитонов возник в дверях и уставился на Любу Ермолаеву. По залу прошел тихий шорох... Продавцы в рынке – народ особенный, видят и

то, что на своем прилавке, и на чужом прилавке, и под ним, а также замечают все, что в зале творится. Развивается этакая особенность зрения. Оно становится всеохватным. А уши – все-слышащими. И словно бы еще одна пара рук появляется – рук, которые совершенно незаметно могут что-нибудь куда-нибудь сунуть, да так, что потом сам черта с два найдешь. Да ладно, главное, чтобы не нашел проверяющий! Беда тем, кто этими качествами еще не обзавелся. Вообще-то они или есть в твоей натуре, или их нет. Насчет Любы Ермолаевой понимающим людям все было сразу ясно: рохля и растеряха. Почему ее Степа на работу взял, уму непостижимо. Видимо, за какие-то боевые заслуги. Ну, понятно, что имеется в виду... дескать, что имею, то и введу... То есть так все сначала думали, когда Люба еще только пришла в рынок.

А впрочем, сейчас не об этом речь. А о том, что появление Капитонова заметили все, и все мгновенно выстроили все мыслимые и немыслимые оборонительные сооружения. Все – кроме Любы Ермолаевой.

Люба Ермолаева любезничала с бомжом Николашей.

Николаша был убежден, что Люба к нему неравнодушна. У него имелась такая манера: придет в рынок, гордо разожмет ладонь, покажет кому-то из продавцов замусоленный пятак и скажет:

– Дайте что-нибудь на эту сумму, супчику сварить.

На сумму, заметьте себе!!! Слов-то каких нахватался!

Ну и что ответит ему всякий нормальный человек, которому, как тому ежу, понятно, что это никакая не сумма, и даже не разница, а одно сплошное вычитаемое? Пошлет на три буквы. Или, как теперь стало модно выражаться, в пешее эротическое путешествие. Или скажет: «Видите вон там, вдали, фаллический символ? Вам туда». Но нет, с Николашей этот номер не пройдет. Он небось и не ведает, что такое фаллический символ. Хотя черт его знает, может, и ведает... Дело-то, в общем, нехитрое... Ну, словом, все порядочные люди посылали Николашу в даль светлую. А Люба смущенно улыбнется и набьет ему пакет обрезками. Пленки, заветренные места, ну, все такое. Вообще-то обрезки для собак берут, но они вполне нормальные, а если даже пашинка с запашком – промыть как следует, и вполне едомая еда, из них суп сварить – милое дело, тем паче бомжу! Килограмм обрезков рублей тридцать-пятьдесят, а Люба Николаше за пятак отдаст. Ну, он, понятно, был убежден, что Люба к нему неровно дышит. Она-то его просто жалела, а Николаша верил в дурацкую премудрость: жалеет – значит, любит, любит – значит, кормит. И тащился с этими своими пятаками, а то и с пустыми руками к Любе каждый день – через день. Единственные передыхи выпадали, когда Николаша впадал в запой, ну а в запой он впадал всерьез и надолго, порой неделю потом замертво лежал, только это и спасало бизнес Степы, которому вдарил моча в голову подрядить такую жалостливую продавщицу.

Короче, этот самый Николаша, в очередной раз воскресший из мертвых, торчал у прилавка, когда появился Капитонов.

Говяжья девчонка Света (понятно, да, что так называют тех, кто только на говядине специализируется? К ней одни татары ходят, им же свинину вкушать Аллах не велел! Евреи тоже около говяжьих девчонок тусуются, но им больше нравится Фая – она бывшая библиотечкаша, интеллигенция, так сказать, а их кошерным мясом не корми, только дай с интеллигенцией пообщаться, а Светка не про них – она русская, это раз, простая, как русская печь, продавец и дочь продавцов – это два) как раз лягнула, с отвращением глядя на запухшую Николашину морду:

– Да на тебя смотреть-то противно, а Любка с тобой еще шуры-муры разводит. Как ты можешь?! – это уже к Любе. – Послала бы его... сама знаешь куда. Вот долюбезничаешься – появится санэпидстанция, мало не покажется, что такую грязь привечаешь.

– Сама ты грязь, – обиделся Николаша. – Я в августе купался на Гребном канале!

На Гребном канале – это значит, что он, родимый, в Волге-матушке купался. В августе, главное! А на дворе уж октябрь! Тут бы Любе брезгливо отдернуться, а она плечами пожала и говорит Свете:

– Ну, знаешь, всякое может в жизни случиться. От суммы да от тюрьмы не зарекайся.

И как накликала, потому что в этот миг на нее коршуном налетел Капитонов.

Николаша испарился. Капитонов только руку протянул, чтобы его схватить, как он исчез. Ну вот натурально – был человек, и нет человека. Только ветер по мясному отделу пронесся, и Капитонов с удивлением сжимал и разжимал руку, которая вроде бы должна была вцепиться в Николашин выдававший виды куртец, но почему-то оказалась пустой.

Вскинул бешеные глаза на Любу:

– Что это вы нищенство поощряете?! Почему с бомжом болтаете?! У вас мясо на прилавке, а вы тут грязь разводите!

– А он бомж?! – хлопнула глазами Люба. – Что вы говорите?! Я его впервые вижу. Он хотел мяса купить, да вспомнил, что деньги забыл, вот и побежал за ними. Я и не знала, что он нищий. Я его впервые вижу, честное слово.

Капитонов озадачился. Он привык, что эта тетка всегда тише воды ниже травы... заискивающе улыбается, краснеет, трепещет. А тут такая наглость.

– Как это впервые? – спросил растерянно. – Да я сам его сто раз на рынке видел, он то возле одних ворот, то возле других попрошайничает.

– А я нет, – пожала плечами Люба. – Я вообще, кроме мяса и своих покупателей, ничего и никого не замечаю.

– А вы знали, что он бомж? – повернулся Капитонов к бараньей Вале.

– Кто? – деловито спросила Валя, поддерживая свои белоснежные нарукавники, лишь в одном месте самую капельку запятнанные кровью: Валя была великая аккуратистка. – Я тут вообще никого не видела, мясо выкладывала.

И она показала на свой прилавок, посередине которого красовалась потрясающей свежести двусторонняя ляжка, иначе говоря – еще не разрубленный задок.

– Да не было тут никого! – приветливо поддакнула Люба, которая вообще милицейского начальства боялась до остоленения, а тут что-то осмелела. Ну, после того, что она сегодня утром устроила, можно было и осмелеть.

А что, в конце концов?! Пусть никто не лезет в ее жизнь и в жизнь ее сына!..

Но сейчас она находилась не в своей квартире, где была полновластной хозяйкой и вообще владычицей морскою и могла творить что хотела, а в рынке. И то, что Капитонов легко спустил огромной, пышной, налитой, румяной, уверенной в себе, как памятник Валерию Чкалову, бараньей Вале в белоснежном халате и крохотной пилотке на взбитых кудрях, он не собирався спускать этой затурканной тетке с голубыми глазами, которые всегда боязливо вспыхивали при виде участкового, а сейчас почему-то смеялись.

Старшина привык, что она его боится. Что за новости?! Получалось, она из Капитонова идиота принародно делает?! Ну уж нет! Он взбесился и пошел вразнос:

– Опять у вас голова не покрыта? Кажется, уже был разговор!

Разговор и правда случался. Тогда Любе удалось свести его на нет, хотя имелся факт налицо, вернее, на голову: пилотки форменные она терпеть не могла. Волосы у нее пышные, но мягкие и легкие, чуть примнешь – теряют вид. Так-то вьются, разлетаются вокруг лица, а наденешь на них хотя бы эту легонькую пилоточку, снимешь – и будто Мамай по голове прошелся, как говорила одна старинная знакомая – кладовщица из типографии, где Люба работала, пока ее не уволили по сокращению штатов.

Впрочем, речь не о том. А о том речь, что в прошлый раз Любе удалось уболтать Капитонова, а сегодня не удастся, а она это мигом почувствовала.

– Слушайте, товарищ сержант, ну что вы меня мучаете? – проговорила Люба, вздохнув. – Ну что вам не нравится? Волосы у меня чистые, аккуратно подстрижены. Ну не переносят они шапок и чепцов, я даже в морозы хожу без шапки, в лучшем случае капюшон накинута. Не смогу работать, если на мозг что-то давить будет. И вы посмотрите, ведь в пилотках этих дурацких никто не стоит, кто платок, кто берет надевает, а это тоже не форменная одежда...

– Как не надевает? Перед вами женщина в пилотке, – указал Капитонов на баранью Валу, и Люба едва сдержала смех, потому что прозвучало это так торжественно и высокопарно, как будто Капитонов был экскурсоводом в картинной галерее и представлял посетителям знаменитое полотно: «А теперь посмотрите налево (или направо, не суть важно). Перед вами „Женщина в пилотке“ кисти Рафаэля-Тициана-Рубенса...» – И у всех остальных головы прикрыты. Вы вот говорите, что у вас волосы чистые. А может, у вас себорея, и перхоть сыплется на мясо, которое люди потом в рот берут. А если пилотка давит вам на мозг, то ищите другую работу, где ношение форменной одежды необязательно.

– Себорея! – лстиво взвизгнула Светка, которая была до изнеможения довольна, что Любе достается по первое число. Света жутко завидовала ее кудряшкам, потому что у нее самой были не волосы, а какая-то сетка для волос – все в облипочку, стриги не стриги, завивай не завивай, на голову будто ведро воды вылили, никакой пилоткой не испортишь. Испорчено самой природой!

– Сама ты себорея, – буркнула Люба, покосившись на Светку, ну а Капитонов, если он не полный идиот, мог бы понять, кому на самом деле была сия реплика адресована и кто здесь вообще себорея – такой же прилипчивый и неотвязный. – Что вы такое говорите, товарищ участковый? Мы же каждые полгода медосмотр проходим. Вам санитарную книжку показать?

И только Люба это сказала, как вспомнила, что последние три дня она начисто забывала пройти медосмотр. И штамп в книжке у нее просрочен. На день, но все же... Сегодня утром она уже хотела поступиться принципами и, забежав к знакомой докторше, просто заплатить, чтобы штампик поставили. Но притащились эти... телеграмма, главное! – и она обо всем забыла. Еле-еле на работу успела, Степа уже сатанеть начал: мясо отличное привезли, а продавца нет! Короче, книжка просрочена. И потянул же черт за язык! Сейчас Капитонов ка-ак скажет: «А покажите вашу книжку!» Но он сказал не это.

– Короче, так, – произнес Капитонов самым категоричным на свете тоном. – Пишем протокол.

– Ну слушайте, – упавшим голосом протянула Люба, с тоской провожая глазами свою постоянную покупательницу, которая опасливо посмотрела на Капитонова, потом на Любу – да и ушла в кому-то в другой конец зала. Этот служитель правосудия всю клиентуру разобьет. Стабильную выручку в рынке постоянный покупатель делает, это же всем известно! Надо участкового сплавить скорей, а то протокол – это такая нудья! Не стоит доводить до протокола, это всем известно. – Ну товарищ старшина, ну мы же не на кондитерском производстве, весь наш товар ведь подвергается тепловой обработке!

– Ничего не знаю, – мотнул головой Капитонов. – Форма торговых работников определена уставом предприятия. А у вас пилотки вообще нет.

– Как это нет?! – возмутилась Люба и выхватила из-под прилавка проклятушую пилотку. – Есть! Только я ее...

Она хотела сказать: «Терпеть не могу!», но поймала взгляд проходившей мимо Тамары Басиной. В одной руке Тамара несла говяжьи ребрышки, которые ей только что нарубили, другой покрутила у виска, глядя на Любу. И ту как осенило: что ж она попусту заводит этого упертого дурака? Пора давать задний ход. И дала, и начала вертеться:

– Я хочу сказать, что я ее только что сняла. Выходила в туалет – и сняла, чтобы она там с головы не упала, понимаете?

Капитонов присвистнул:

– А почему сразу не надели, когда вернулись? Я же видел: когда вы болтали с этим бомжом, на вас пилотки не было.

– Да я просто не успела надеть, – брякнула Люба – и Капитонов аж подпрыгнул, как мальчишка, довольный до ужаса:

– Ага, значит, признаете, что болтали с бомжом на рабочем месте?!

Ну что, подловил он ее, очень ловко подловил, и отпираться теперь было бесполезно. Люба вздохнула:

– Ох, товарищ старшина, ну что вы такой придирчивый? Ну проще надо к жизни относиться, честное слово. Вы все так близко к сердцу принимаете, слишком много нервов тратите. От этого и бледный такой. Вам надо мясных продуктов побольше есть. Может, возьмете что-нибудь к столу?

Был Капитонов бледный, стал красный, занервничал еще сильнее и выдал ужасным голосом:

– Вы мне что, взятку предлагаете в виде мяса?

– Мать родная... – пробормотала сокрушенно Валя. – Уж и мяса ему не предложи, тоже мне, Павлик Морозов на нашу голову выискался!

– Что? – бешено покосился Капитонов.

– Да ничего, – махнула рукой Валя, чуть не задев Любу своим острым ножом. – Я в пилотке стою и молчу. В пилотке! – И для наглядности потыкала ножом в сторону упомянутого головного убора.

– Что тут у вас, товарищ старшина? – раздался в это мгновение начальственный женский голос, и рядом с Капитоновым образовалась маленькая сухонькая тетенька с суровым выражением лица, одетая до того уныло, что при одном ее виде зевота одолевала.

«Определенно какая-то инспекторша», – с тоской подумал Люба – и не ошиблась.

Черно-белое кино воспоминаний

«Снегурочка!» – подумал Ермолаев и удивился, что у нее теплая рука. Он стоял и держал ее за руку, совершенно обалдев от этой невероятной красоты, которая вдруг оказалась рядом и лишила его дара речи. Снегурочка была тоненькая и такая молодая-молодая... Почему-то казалось, что она должна все время смеяться, но глаза ее смотрели очень серьезно.

Она что-то говорила, но Ермолаев не только слова в ответ молвить не мог, но и слышать ничего не слышал. Вроде как туман, ошеломление какое-то на него нашло. Наконец к ним приблизился парень с видеокамерой – невысокий, бойкий с виду, в усах и бороде, в черной куртке, черных очках и сам черный. Назвался Димой. На него Ермолаев только мельком взглянул и тотчас забыл – опять уставился на Снегурочку. А она, озабоченно сдвинув тонкие, как пруттики, брови, велела черному Диме начинать.

Оператор снял темные очки и надел другие – со светлыми стеклами, сквозь которые были видны его маленькие насмешливые глаза. Тоже черные, само собой! Потом он пристроился к видеоискателю, поводит камерой туда-сюда и нажал на какую-то кнопку. Зажегся красный глазок – камера заработала. Дима наводил ее на заснеженные поля, на кривую лиственницу, поднимал к небу и опускал до самой дороги. После того вплотную взялся за Ермолаева: заставлял его проверять прицеп, поднимать капот, лазить в кузов и лихо – он так и сказал: «Лихо!» – прыгивать. Садиться в кабину, закуривать и бросать в боковое оконце папиросу.

Виктор выполнял все скованно, прыгнул из кузова тяжело, так что ноги загудели, а закурить долго не мог: поглядывал на Снегурочку, которая стояла на обочине и ободряюще кивала, и ломал спички, будто разучился их зажигать. Выглядело это, конечно, глупо... У него была зажигалка, но бензин в ней закончился, а ни Дима, ни, само собой, Снегурочка не курили. Почему-то он вспомнил, что Люба иногда, под настроение, хваталась за сигаретку. «В жизни

больше не разрешу!» – подумал мрачно и ощутил тоску оттого, что никогда и ничего не сможет запретить или разрешить Снегурочке.

Наконец Дима уговорился, и к Ермолаеву подступила Снегурочка.

– Я сейчас возьму диктофон, – сказала она, – и мы побеседуем, хорошо? Я не люблю видеоинтервью, мне больше нравится, когда звуковой ряд под изображение подкладывается, – пояснила она Ермолаеву так доверительно, как будто он что-то понимал из ее слов. Хотя, с другой стороны, ничего сложного в ее словах как раз не было, просто он все еще пребывал в некоем ступоре. – Короче, мы побеседуем у вас в машине, хорошо? И вы не будете возражать, если прямо на ходу? Тогда разговор получится естественный – и шум мотора, и паузы такие живые, понимаете? А Дима еще немножко поснимает.

Повернулась к оператору:

– Дима, ты иди в нашу машину, поезжай рядышком и сделай побольше таких планчиков хороших, как ты умеешь, а мы с Виктором Сергеевичем поедem не очень быстро.

Дима, опять нацепивший темные очки, не тронулся с места. Вид у него был такой: «Ну, раскомандовалась!» Ермолаев возмущенно на него покосился, но ничего не сказал – сдержался. Пошел, демонстрируя беспрекословное повиновение, к «МАЗу», взлетел за руль, открыл дверцу для девушки. Она подошла. Но не села – нерешительно переминалась внизу, робко заглядывая в кабину, потом, смущенно улыбнувшись и чуть наморщив носик, покачала головой. Дима стоял позади, его непроницаемые очки поблескивали. Он-то был серьезен, а вот очки определенно усмехались.

Ермолаев поглядел на светлые Снегурочкины джинсы, на ее белоснежную курточку, все понял и со стыдом принялся тряпкой, которой обычно отчищал ветровое стекло от подтеков, протирать до белизны вытертое дерматиновое сиденье, не понимая, что пачкает его еще больше. Конечно, пыль, грязь, а на резиновом коврике несколько золотистых шелушинок от тыквенных семечек, горсть которых ему сунула сегодня в карман куртки Люба. «Вот вечно она!» – сердито подумал он о жене, хотя семечки сгрыз за милую душу.

Он нагнулся было, чтобы подобрать скорлупки, но Снегурочка, вскинув руку в белой перчатке, смущенно улыбаясь, остановила его:

– Знаете что... Пойдемте лучше в нашу «Волгу». Там как-то уютней и вообще... Попросим нашего шофера мотор завести – и получится, будто у вас. Хорошо?

Ермолаев покорно выбрался из своей машины. Покорно! Да он не то что в «Волгу» полез бы сейчас – на вершине вон той кривой лиственницы готов был рассказывать о чем угодно.

Смешно признаться: его даже в пот бросило от мысли, что неприглядная кабина его «МАЗа» испугает девушку, что махнет она своей беленькой теплой ручкой и укатит восвояси. Но нет, оказывается, еще можно побыть с ней, даже рядом посидеть и посмотреть на нее, пребывая в этом ошеломленном и радостном состоянии, что охватило его и не отпускало.

Никогда с ним такого не было. Ни-ког-да!

* * *

– А вам что? – повернулся Капитонов сурово. – Не мешайте, я при исполнении.

– Я тоже, – усмехнулась она и вынула из сумки удостоверение инспектора Роспотребнадзора. – Проверяем санитарные книжки. Прошу предъявить.

Это адресовалось уже, понятное дело, не Капитонову, а Любе, однако отозвался первым Капитонов.

– Да в порядке у нее книжка, – отмахнулся он. – Не мешайте, у нас вопрос посерьезней.

«Может, обойдется?!» – подумала Люба, которая стояла ни жива ни мертва.

– Откуда вы знаете, что в порядке? Проверяли? – уперлась инспекторша. – Нет уж, покажите книжку мне.

– Давайте быстро предъявляйте свою книжку, и продолжим писать протокол, – азартно приказал Капитонов Любе, а она взялась за отвороты своего халата и крепко их стиснула.

Влипла, называется. То есть почему зря влипла!

Разве что сказать, что дома забыла? Да нет, так еще хуже...

Ну, вытащила Люба эту несчастную просроченную книжку.

– Ага! – алчно воскликнула инспекторша. – Посмотрите, сержант. Это вы называете – в порядке?

Лицо Капитонова стало таким, словно перед ним стоял предатель родины, а не злосчастная Люба Ермолаева.

– Так вы меня обману-у-ули?! – провыл на низких нотах, на таких низких, что ниже уж некуда. – У вас мало что головного убора... бомж... у вас еще и книжка?! Нет, протокол! Протокол! Протокол!

Люба никогда не подозревала, что слово «протокол» – такое острое, колющее и болезненное, оно в нее так и вонзалось, в самом деле – как кол!

– Про-то-кол? – по слогам, уничтожающе повторила инспекторша. – Конечно, только это будет мой протокол. И с ним вы пройдете в районную административную комиссию. А вы, товарищ старшина, сопроводите туда нарушительницу.

Позади инспекторши образовалась крепенькая фигура главного ветеринарного врача Ольги Александровны Эминой. Ольга Александровна бросила на Любу уничтожающий взгляд, покачала головой, потом сокрушенно взялась за виски и вышла из зала.

Сокрушение Ольги Александровны было очень даже понятно. Когда Степа еще колебался, взять ли ему на работу Любу Ермолаеву («разяву безошибочную», как с первого взгляда определила ее говяжья девчонка Света, намекая на ее прошлую работу корректором, то есть правщиком ошибок), Ольга Александровна, придирчиво на нее посмотрев, посоветовала: «Возьми. Она явно не дура. И красть у тебя не будет – лучше по миру пойдет, это же сразу видно, у меня на такое глаз наметан!»

И вот вышло, что наметанный глаз Ольги Александровны дал промашку. То есть красть Люба и в самом деле не будет, однако оказалась она все же дурой и разявой, это Светка определила именно что безошибочно!

Люба огляделась. Помощи ждать было неоткуда, потому что по залу мотались как минимум три столь же типичные фигуры, как инспекторшина. Шла глобальная проверка – санэпидстанция, Госторгинспекция, Роспотребнадзор проверяли состояние санитарных книжек, свидетельства о регистрации ЧП, а Капитонов, который тут оказался сам по себе, сразу же выловил главную нарушительницу, потому что – редкий случай! – у остальных все оказалось в порядке.

Невероятно! Фантастика. Ну просто не продавцы, а люди будущего, как любил говорить Женька.

А Любе Ермолаевой пришлось признаться Степе, что она неряха и растеряха, что торговли сегодня не будет, значит, мясо придется отнести обратно в холодильник, деньги свои он не получит, а ее поведут... «поведут с веревкою на шее полюбить тоску», как выразился бы в данной ситуации поэт Есенин, которого Люба очень любила.

И ее повели-таки. Хотя и без веревки, но...

Конвоировал Любу, как было предписано, старшина милиции Капитонов. То есть она шла по Покровке в своем сереньком плащике, цокала каблуками (уходя с работы, переделалась с ощущением какой-то ужасной безвозвратности происходящего), а рядом маршировал милиционер. И ей казалось, что все знают: он ее конвоирует, именно конвоирует, а не просто так рядом идет. Не ходят милиционеры в форме просто так рядом с рыдающими женщинами! А Люба как начала рыдать еще в рынке, так и не могла остановиться. Смешней всего, что она не плакала весь этот год, с самого развода... кстати, и при разводе, и до него не плакала. Зажала себя... ради Женьки крепилась, ради собственной гордости, и Виктору хотела показать, что

невелика потеря... может, и правда невелика?.. Ну, слезы копились, копились – и вот пролились. Хлынули.

Это был ливень слез. Водопад. Если бы у Любы еще оставалось чувство юмора, она оглянулась бы посреди Покровки: а не бегут ли за ней ручьи? Но все ее чувство юмора было снесено могучим ураганом тоски тоскучей. Люба не обращала внимания вообще ни на что и ни на кого, она не соображала, куда Капитонов ее ведет: мельком увидела только какого-то мужчину, который уступил ей дорогу на крыльце районной администрации. Его лицо на мгновение показалось Любе знакомым, но она была в таком состоянии, что даже сына родного, окажись он в Нижнем, сейчас не узнала бы.

Когда подходили к двери, на которой висела табличка: «Районная административная комиссия», Капитонов вдруг тронул Любу за локоть, а когда она обернулась, что-то сказал. У него было очень злое лицо. Но Любе его злость уже стала совершенно по фигуре. Отмахнулась – и торкнулась в дверь, за которой ее ждали судьи и палачи.

Капитонов еще что-то пробормотал да и умолк.

Административная комиссия как раз вовсю заседала. То есть восседала за длинным столом, все шесть человек с одинаково алчным видом – точно вороны, которую поживу поджидают, – и, когда Капитонов втолкнул в дверь ничего не соображающую Любу, они – комиссары эти – накинулись на нее и немедленно расклевали в ключья. Председательша свирепствовала особенно. Она обладала невероятно черными и густыми бровями – Леонид Ильич нервно курит в сторонке! – и вообще была вся такая большая-пребольшая, размера, наверное, шестидесятого, а может, даже шестьдесят второго, и стул под ней, когда она шевелилась, скрипел страшным мученическим скрипом, как будто прощался со своей мебельной жизнью. Наверное, поэтому председательша старалась не двигаться и восседала на этом стуле неколебимо, точно монумент. С другой стороны, она ведь не могла не понимать, что если стул развалится, то и она рухнет... и разобьется на мелкие кусочки. Вот и изображала из себя памятник.

Между прочим, лицо этой председательши тоже показалось Любе знакомым. Вроде бы мелькала на рынке... Точно, мелькала, и что-то неприятное с ней было связано, но что?..

Впрочем, Любе было не до воспоминаний, вот уж точно, она вообще ничего не соображала и даже слышала плохо, что там говорили, о чем ее спрашивали. Все больше тупо молчала, зачем-то стягивая полы плаща на коленях, как будто стыдилась своей простенькой черной юбки. Но ответов от нее особенно и не требовали. Что-то говорил Капитонов, а впрочем, все было уже написано в протоколе. Люба все рыдала...

– Ой, да хватит нас на жалость брать! – брезгливо бросила председательша, когда Люба достала из пачки очередной одноразовый платок, а прежний, мокрый и скатавшийся в комок, сунула в карман плаща, потому что урны или корзинки для бумаг в поле ее зрения не наблюдалось. – Как цены гнуть выше всех возможностей, непосильные простому человеку, это вы с улыбкой, а как отвечать за свое разгильдяйство, тут в слезы.

– Ой, не говорите, Марина Ивановна, – поддакнула еще какая-то комиссарша, – цены просто убийственные дерут. Хоть вегетарианцем становись!

– Ну, вегетарианцу теперь тоже не больно прожить, это если только капусту да картошку есть, да и то со своего участка. А вот у меня участка нету, мне как быть? – ввинтился в разговор единственный в этом сборище злобных ворон мужчина, однако бровастая Марина Ивановна осекла его взмахом пухлой руки и вынесла Любе приговор: уплатить штраф в двадцать тысяч рублей. И квитанцию присовокупила.

Двадцать тысяч, мама дорогая... Да если Люба в месяц столько зарабатывала, это было хорошо! Тот, кто думает, мол, у продавцов в рынке дурные деньги, тот вообще ничего в этой работе не понимает! И сколько же времени ей этот дурацкий штраф выплачивать? А если его надо чохом внести, а не по частям? А если – о, господи боже ты мой! – Степа так возмутится,

что продавщица его под монастырь подвела, что уволит ее?! Может, она уже уволена, да только не знает об этом?!

Как Люба не грохнулась в обморок, это просто странно. А может, впрочем, и грохнулась. Потому что она совершенно не помнила, как вышла из кошмарного кабинета и прислонилась к стене. Ноги отказали, а в затылке будто штырь железный торчал. Она даже голову прижать побоялась: казалось, этот штырь из затылка торчит, а если стены коснется, то пронзит Любину голову, и тут-то ей настанет конец. Люба так и держала голову наклоненной вперед, отчего ужасно ныла шея...

И тут Люба внезапно вспомнила, почему лицо бровастой председательши, ну, этой Марины Ивановны, показалось ей знакомым. Да потому, что и в самом деле эта дама не раз появлялась на Старом рынке! Своего продавца у нее не было, она то там, то тут отоваривалась. И у Любы мясо покупала, случалось. Когда называли цену, она высоко поднимала свои очень черные брови и говорила:

– Я возьму больше килограмма. Скидка будет?

Все отвечали: ну, смотря сколько возьмете. Тогда председательша или мстительно поджимала губы и уходила, или с тем же недовольным выражением выбирала самый маленький кусок, куда меньше кило.

А Люба один раз, когда еще ее фокусов не знала, согласилась – да, мол, будет. Она еще только-только начинала торговать и людям верила, как Красная Шапочка – Серому волку. И робела перед покупателями. Дама это сразу просекла – ну и воодушевилась:

– Какая?

Сейчас уже не вспомнить, конечно, о чем там речь шла... о печени, кажется, да, точно – о печени, она уже тогда по двести рублей за кило шла, свежая, от молодой коровки печень была, и Люба сказала, что десять рублей скинет.

– Десять? Ну, это ерунда. За сто семьдесят возьму, так и быть, – сказала покупательница непререкаемо.

С килограмма потеря – тридцать рублей, с пяти уже сто пятьдесят... То есть Люба почему-то решила, что больше килограмма – это килограммов пять! Мало ли зачем человеку понадобилось много печенки? Паштет сделать для семейного торжества, к примеру, много паштета на большое число гостей! Ну ладно... зато печенка уйдет. Ведь главное – товар продать, вынуть из него деньги, а их всегда бывает чуть меньше, чем рассчитываешь. И хотя полторы сотни – это уже не слишком «чуть», она все же согласилась:

– Хорошо, по сто семьдесят отдам.

Валя посмотрела на нее как на безумную, но ничего не сказала. Решила, что хватит ей Любу жизни учить. Только полчаса назад опять нотацию читала:

– Что ты все так щедро вешаешь: с походом¹ да с походом? Чего походами кидаешься? Тебе кто-нибудь дает с походом?

Валя вообще любила учить Любу жить – как с помощью нотаций, так и на личном примере, – но иногда даже ей надоедало. Вот она и промолчала.

Бровастая дама заставила Любу показать ей один кусок, потом другой... потом сказала:

– Нет, ваша печень мне не нравится!

В начале своей мясной карьеры Люба складывалась пополам от смеха, услышав что-то в этом роде, а теперь уж попривыкла. И ответила спокойно так:

– Очень жаль. Потому что печеночка отличная.

– Да? – подняла дама свои невероятные брови. – Ну хорошо, уговорили. Вот этот кусочек завесьте.

¹ *Споходом* – принятое на рынке выражение, означающее «больше, чем требовалось».

Что это за слово такое, почему люди так говорят – «завесьте», Люба не переставала дивиться. Ну и ладно, нравится им – пусть говорят.

Завесила она, короче, этот кусочек. Вышло восемьсот граммов. Положила печенку в пакет, завязала, подала покупательнице и говорит:

– Сто шестьдесят с вас.

– Вы что, считать не умеете? – холодно спросила дама. – Сто семьдесят минус тридцать четыре – получается сто тридцать шесть.

– А почему сто семьдесят-то? – спросила наивная Люба. – Двести рублей килограмм.

– Позвольте! – с пафосом воскликнула покупательница. – Вы же мне обещали по сто семьдесят, а сами ломите по двести!

– Как по сто семьдесят? – удивилась Люба. – Это если бы вы много взяли!

– А разве восемьсот грамм – это не много? – возмутилась дама. – Ничего себе! Да если вы тут зажрались на бесплатном мясе и разучились деньги считать, не думайте, что все так же живут! Торговка несчастная!

И она швырнула пакет на прилавок так, что он лопнул, печеночные брызги разлетелись во все стороны. И вышла из павильона, чеканя шаг.

Люба потом не скоро очухалась. Она же была дура впечатлительная, да почему – была, такой и осталась!

Да уж, тесен мир... Понятно, что та чернобровая ее запомнила. Потом, с того раза, она больше ни разу к Любе не подходила. Неужели сейчас просто воспользовалась своим положением и сквиталась с «торговкой несчастной»? Да, теперь торговка была и впрямь несчастной... Это какой же процент с тридцати рублей накрутила ей злопамятная Марина Ивановна?

Может, кто и способен высчитать процент с двадцати тысяч, но Любе это было не под силу. А калькулятора, понятно, под рукой не имелось. Да и вряд ли она сейчас попала бы в хоть одну клавишу... Стояла как прибитая к стене, ни рукой шевельнуть, ни ногой.

Вдруг в поле ее зрения возникло мутное лицо Капитонова, как бы туманом подернутое. Он шевелил губами. Невнятно слышалось что-то вроде:

– Я же тебе говорил, дуре, что нельзя при них реветь, они не верят, думают, что притворяешься. Нагло надо было держаться... они наглых побаиваются, эти курицы. А жалких сразу на кусочки рвут...

О, господи, что он такое бормочет? Мерещится Любе, что ли? Наверное, и впрямь мерещится.

Она отвернулась от Капитонова и уткнулась взглядом в еще одно мутное пятно. Еще одно лицо! Мужское! Что, уже судебный исполнитель явился? Деньги с Любы требовать? Вот так – чтобы сейчас, немедленно она выложила ему двадцать тысяч?! А если не выложит – он еще что, в камеру потащит? В этот, как его, обезьянник? Может, уже и автозак у крыльца припаркован?!

При мысли об автозаке и обезьяннике Люба лишилась остатков сил, не удержала своей тяжелой головы и прижалась-таки ею к стене. Незримый штырь наконец пронзил голову, но от этой боли сознание странным образом прояснилось, и Люба вдруг узнала незнакомого мужчину. Да ведь это Денис. Тот самый Денис, который появился сегодня утром в ее квартире в компании со своей сестрицей! А он-то откуда взялся?! Ведь Люба их выгнала! Он что, следил за ней? И выследил, тоже явился счеты с ней сводить? Ну, теперь ее в самом деле можно голыми руками брать. Поистине – и делай с ней что хошь...

* * *

Беременна, значит... От Женьки! Во как!

Любе потребовалось какое-то время, чтобы очухаться. Потом она сказала:

– Ну?

– Что – ну? – насторожился Денис.

Конечно, насторожился. Особого радушия в Любином голосе не звучало. А он, наверное, рассчитывал, что Женькина мать сейчас зальется слезами восторга и прижмет к сердцу и его, и его сестрицу в ее клеенчатом плащике. То есть подхватит ее с дивана – и прижмет. А потом – слезами... Впрочем, очередность не столь важна.

– Ну и что? – уточнила Люба. – Почему вы обращаетесь с этим ко мне?

– А к кому нам обращаться? – удивился Денис.

– Видимо, к отцу ребенка, – пожала плечами Люба.

Денис покраснел и сказал стесненным голосом:

– Но он же уехал в Америку...

– Да, – кивнула Люба, – уехал. Это правда. Но существует телефонная связь. Позвоните ему. И если это правда... я бы предпочла услышать такую новость от своего сына, а не от... не от незнакомых людей.

Она хотела сказать – неизвестно от кого, но постеснялась, хотя это была истинная правда.

– То есть вы нам не верите? – уточнил Денис.

Люба пожала плечами:

– А вы на моем месте поверили бы?

– Хорошо, – кивнул он, – я вас в чем-то понимаю... Хотя, конечно, оскорблен тем, что вы мою сестру за аферистку приняли. Но давайте этот вопрос прямо сейчас решим. Давайте позвоним Евгению.

– Давайте, – сказала Люба. – Звоните. Только поскорей, потому что мне на работу опаздывать нельзя, а уже пора собираться.

Денис достал мобильник, но номер не набирал, а смотрел на Любу. Она в ответ смотрела на него. Его темные глаза были злы. Люба подозревала, что и ее голубые – тоже.

– Номер скажите, – отрывисто попросил Денис.

– Какой номер?

– Номер телефона вашего сына.

– Вот это номер... – скалабурила Люба, которая все-таки еще недавно работала корректором и знала толк во всяких таких штуках. – Значит, ваша сестра от Женьки беременна, а даже номер его телефона ей неизвестен! Хорошо, хоть имя знает. Имя и фамилию.

– И даже адрес, – соорбил ледяную улыбку Денис. – Номер телефона ей известен, но это телефон здешний, эмтээсовский, а там, в Сасквиханне, он, конечно, другую сим-карту купил, да?

– Да, – подтвердила Люба. – И, видимо, так сильно хотел общаться с вашей сестрой, что забыл свой новый номер сообщить?

Денис помрачнел.

– Они поссорились накануне его отъезда, – буркнул он неохотно. – За Элькой один местный крутой мен ухлестывал, ну, там, в Болдине у нас, знаете, «Газпромом» все схвачено, ну, этот хмырь очень сильно влюбился, а она по Женьке сохла...

Денис пожал плечами с таким видом, словно совершенно не мог понять такую глупость, а Люба мигом за Женьку обиделась и на долю секунды почувствовала к этой самой Эльке, все еще лежавшей неподвижно и безгласно, капельку симпатии. Но тотчас спохватилась: да ведь так и должно быть, Женька – он ведь и красивейший парень, и высокий, на голову этого Виктора выше, и умный, и талантливый, и вообще самый-самый, потому что ее, Любин, любимый сын!

Потом она призадумалась. Болдино, сказал Денис... Женька в последнее время зачастил в Болдино. Конечно, там усадьба Пушкина, конечно, там красота невероятная, Люба тоже была раза два-три, а как же, само собой, Пушкин – это ведь наше все! – но чтобы чуть ли не каждую неделю... Женька уверял, что у него там друг живет, такой же рыбак заядлый, как он, а рыбалка

в Болдине – обалденная! Люба из водных, так сказать, артерий знала в Болдине только пруд в Пушкинской усадьбе, но там что-то не наблюдалось рыбаков... но Женька же не станет ей врать!

А теперь вот как вышло... пожалуй, что мог врать и даже врал. Вот какой друг у него в Болдине, вот какая рыбалка! Между прочим, вдруг вспомнила Люба, рыбалка снится к внезапной беременности, а она сегодня видела во сне, будто брела по мелководью, а вокруг сновали какие-то рыбы вроде зеркальных карпов, и Люба их от себя отгоняла, потому что они мешали ей идти. Вроде и не совсем рыбалка, а между тем сон сбывлся... Черт, вот же черт!

Явилась какая-то девчонка... и Любин сын теперь принадлежит не Любе, а этой девке! И она родит, и Женька на ней женится, а как же, он ведь благородный человек, и все мечты о его будущей жизни пойдут наперекосяк – все, что они насочиняли втроем – Люба, Таня и Женька. Нет, даже вчетвером, потому что еще и Майкл, Танин муж, некоторым образом принимал участие: как Женька после Америки вернется, закончит универ, и приедет в Сидней, и там устроится в ту же компанию, где работает Майкл, потому что компания начинает сотрудничество с Россией, а такие спецы по международному праву, как Женька, с углубленным знанием трех языков (не считая русского), везде нарасхват. А ведь Женька еще и программист каких поисковать. За одну из написанных им юридических программ его и позвали совершенно бесплатно в Америке учиться... И Люба станет к ним приезжать. Конечно, это безумно дорого, не по ее деньгам пока что, но она будет работать изо всех сил и уж раз в год позволит себе поездку, чтобы на внуков посмотреть. У Тани в феврале кто-нибудь родится, еще рано говорить, мальчик или девочка. А у Женьки...

Сейчас октябрь, три месяца у Эльки, значит, тоже в феврале?! А Женька в это время будет еще в Америке? Или Элька потребует, чтобы он сорвался и приехал?! И все, поставил бы на себе крест?! И на будущем своем?! Возьмут ли его, женатого, в Австралию?! Да еще и с ребенком? Теперь Любе придется к ним в Болдино ездить, что ли? Не в Сидней, а в Болдино? Или эта барышня планирует тут, в Нижнем, поселиться? С ребенком... с будущим Любиным внуком...

Ее передернуло. Наверное, она должна рассиропиться и расчувствоваться. Ведь она рассиропилась и расчувствовалась, когда Таня сообщила, что беременна. Но с Женькой... это все как-то иначе. Все по-другому, чем с Таней. Таня такая сдержанная, такая серьезная, что всегда всех парней от себя отшивала: им-де всякие глупости нужны, а я ничего такого до свадьбы не хочу. И когда она с Майклом познакомилась, Люба даже боялась: а вдруг и его прогонит? Потому что Майклу тоже нужны были «глупости» еще до свадьбы, и Любе, конечно, не хотелось, чтобы дочка потеряла такого хорошего жениха. Соседка даже упрекнула, что не патриотка, мол. А Люба вспомнила, как они с Виктором в 90-х крутились, чтобы выжить... это кому только рассказать! Да вся страна крутилась, будто карась на сковородке! А когда дефолт ударил?! Это вообще уму непостижимо, как выжили! Ну да, Люба не патриотка. Она не хочет, чтобы ее дети жили в стране, где над людьми так издеваются. И конца этому не видно... Может, новый президент и вернет России статус сверхдержавы, да только что это даст таким людям, как Люба? Ну что?! «Жить в эту пору прекрасную уж не придется...» Ей скоро на пенсию, а пенсия у нее если две семьсот будет, так это еще ладно. Сильно разживешься, ага! Только на себя вся надежда. Да на детей, если сумеют хорошо в жизни устроиться. Сама Люба, конечно, только в России сможет жить, но дети... они молодые, им легче корни рвать... пусть рвут здесь и укореняются там, где нас нет.

По пословице: рыба любит, где глубже, а человек – где лучше. Ох, опять она про рыбу... рыба снится к беременности... беременная барышня тут у Любы в квартире лежит на диване – лежит, словно камень поперек пути ее сына!

Она взглянула бешеными глазами на Дениса, который так и стоял с выжидающим видом над своей сестрицей, держа мобильник на изготовку, и выпалила:

– Не дам я вам его телефон. Понятно? Не дам! Я вам не верю!

– Ой, наверное, я вас понимаю, – подала слабый голос Элька. – Я бы тоже не поверила. Но вы позвоните Жене! Наберите его номер! И все сразу разъяснится!

– Ну сами посудите, – поддакнул Денис. – Если бы мы были аферистами и обманщиками, разве бы мы заявили сюда с требованием связаться с Женькой? Да никогда в жизни. А так мы умоляем вас ему позвонить. Пусть он с Элькой поговорит, вы все поймете, вы увидите, какая там любовь была... он должен знать, что у него ребенок скоро родится!

Люба чуть не задохнулась от ярости, потому что он был прав. Если бы тут крылся какой-то обман, они не требовали бы разговора с Женькой. Они бы юлили-вертели, отвирались как-то... но Люба не могла, она просто физически не могла набрать номер сына!

Между прочим, дозвониться до него не получилось бы, даже если бы она этого хотела, потому что Женька сегодня, едва положив трубку, должен был ехать на вокзал: у него начиналась практика в какой-то адвокатской конторе в маленьком горном городке, еще меньше Сасквиханны. То есть в общежитие в Сасквиханну уже не позвонишь, его там нет, но и по мобильному тоже: там, в этом городке, обычная сотовая связь не работает. Как Женька объяснил, там какая-то своя сеть, и он обещал Любе уже оттуда позвонить из автомата. Если удастся. А если не удастся, они две недели будут без всякой связи. Но Люба дала ему слово не дергаться, главное, чтобы позвонил, когда вернется, чтобы сразу позвонил.

Вот почему она сейчас не могла связаться с ним, даже если хотела бы. А она не хотела.

Она хотела выгнать их вон... к чертям! Чтобы исчезли и больше не появлялись в ее жизни. Чтобы не мешали ей ждать сына и мечтать о его будущем, в котором не найдется места какому-то там Болдину. Может, Пушкин – это и правда наше все, но Болдино – отнюдь не столица мира. А Женька достоин только самого лучшего!

Люба упрямо молчала. Конечно, можно было состроить хорошую мину при плохой игре и начать им рассказывать, что она и рада бы позвонить, да Женька уехал в городок в горах, а там сеть местная... ну и так далее. Но эти люди, которые внезапно, с помощью наглого обмана – телеграмму они принесли, видите ли! – ворвались в Любин дом и в ее жизнь, чтобы разрушить эту жизнь и жизнь ее сына, не заслуживали даже соблюдения элементарных приличий.

Поэтому она просто покачала головой и сказала:

– Я вам не верю. Вот когда мне Женька позвонит и скажет, что да, это правда, и сообщит, что решил на вас, – Люба кивнула в сторону бледной Эльки, – жениться, и попросит принять вас как родную дочь... – Тут она поперхнулась, но не от злости, как можно было ожидать, а от внезапно нахлынувшего смеха, потому что ни с того ни с сего вспомнила, как Женька, когда был еще маленьким, впервые посмотрев мультик про Карлсона, удивился: «Почему Малыш должен стать ему родной матерью? Разве мальчик может быть мамой? А? Может? Тогда давай я тебе буду родной матерью, а ты мне родной дочерью! Давай, мамочка?» И вот теперь он станет не матерью, конечно, а отцом... из-за этой бледной девки! Смешинка исчезла, будто и не было ее, Люба вновь исполнилась ярости и чуть не выкрикнула: – Все, договаривайтесь с ним сами, а теперь уходите, я из-за вас на работу опоздаю! Быстро, быстро уходите, а то... – Она не знала, чем им пригрозить, а поэтому замялась и бессмысленно повторила: – А то... а то...

Элька закрыла лицо руками и всхлипнула, однако ее брат мрачно, с ненавистью поглядел Любе в глаза:

– Не трудитесь напрягать фантазию. Когда-нибудь вам станет очень стыдно за то, что вы говорите и как себя ведете. – И выставил ладонь, хотя Люба от такой наглости вовсе дар речи потеряла: – Все, ни слова больше. Мы уходим.

– Но как же... – простила Элька, но Денис молча подхватил ее с дивана и не то повел, не то поволок в прихожую. Ноги ее заплетались, она часто-часто всхлипывала, словно задыхалась, а Люба шла следом, чувствуя невероятное облегчение от того, что они уходят, наконец уходят... честно, в самой глубине души еще гнездилися страхи, что они прокрались в ее квартиру

вовсе не для того, чтобы наплевист черт знает чего про Женьку, а чтобы ее, Любу, схватить, связать, ограбить, – и поэтому она шла, особо к ним не приближаясь, а по пути прихватила со столика тяжеленную чешскую вазу. Ей исполнилось уже сто лет в обед, вазе в смысле: чей-то подарок на их с Виктором свадьбу. Ваза была очень тяжелая, да еще и сделанная в виде суковатой дубинки. Если бы Денис внезапно обернулся и кинулся на Любу, она так и врезала бы ему, честное слово! Вот хватило бы сил ударить человека!

Честно, она так злилась на них из-за Женьки, что на минутку даже захотела, чтобы он обернулся!

Однако Денис так и вышел вон, не оглядываясь на Любу. Не удостоил, так сказать, и взгляда. Понятно, что никакого там «до свиданья-извините» она не услышала. Да и ладно, не больно-то и хотелось, провалитесь вы пропадом!

И вот незваные гости, которые и впрямь оказались хуже, гораздо хуже татарина, провалялись-таки: вышли за дверь, и Люба поскорей захлопнула ее. Повернула ключ во внутреннем замке и не удержалась, припала к двери ухом. Гости медленно спускались. Громко, отрывисто цокали Элькины каблукы. Потом вдруг раздался ее голос:

– Ну на самом деле ее можно понять...

– Ладно, посмотрим, – неопределенно отозвался Денис, и Любе стало стыдно подслушивать.

Отошла от двери, пожала плечами... и взглянула на часы.

Да боже ты мой! Она ж опаздывает-таки! А Степа должен сегодня мясо привезти! Небось уже привез и ждет свою продавщицу!

И Люба метнулась в ванную, позабыв обо всем на свете, кроме того, что надо скорей, скорей, скорей бежать в рынок.

Если бы она знала, что ее там ждет!..

Черно-белое кино воспоминаний

К вечеру и в самом деле заснежило. Небо сначала побелело, а потом стало мутно-оранжевым, будто подсвеченным заревом пожара, и посыпались влажные, тяжелые хлопья.

Ермолаев после ужина курил на крыльце. В дом идти не хотелось, но выглянула Люба и напомнила, что он собирался посмотреть фильм, который как раз сейчас начинается. С утра хотел, теперь уже расхотел, но Виктор замерз в одной только меховой безрукавке и, бросив окурок – огонек утонул в свежем снегу, – вернулся в дом.

Люба и дети уже сидели у телевизора: начинался «Крепкий орешек», который они просто обожали. Ермолаев посмотрел на экран, побродил по комнате и ушел в кухню.

– Что не садишься? – спросила вслед Люба, и он буркнул:

– Попить.

Жена поднялась, пошла за ним и стала предлагать то холодного молока, то чаю, то вчерашнего компота. Такая заботливость была привычной, но сегодня глухое раздражение томило Виктора до того, что ныло под ложечкой, и он, не отвечая Любе, зачерпнул из ведра и стал пить ледяную воду. Сразу заболели зубы, и лоб заломило, и заледенело все внутри, но он все пил и пил, пока не убедился, что Люба вернулась в комнату и прикрыла за собой дверь.

Ермолаев положил на ведро крышку, поставил на нее ковшик и раздернул цветастые занавески на окне. Ему вдруг остро захотелось посмотреть на звезды, но звезд не было видно. Небо по-прежнему оставалось тусклым.

Ну откуда столько снегу привалило? Кому он нужен – теперь-то, в конце марта? Дорога ложка к обеду – до января обжигал сухой, колючий мороз, снега почти не было, и только мело по земле какую-то белую пыль, да и позже зима снегопадами не баловала, а тут вдруг прорвалось. Зачем?.. Лишний он, ненужный, как лишнее, ненужное, чуял Виктор Ермолаев, было то,

что с ним делалось. Но почему-то именно этот заволокший голову туман казался ему сладким, а все остальное представлялось досадной помехой.

Он вернулся в дом. Брюс Уиллис уже начал наводить порядок и гнуть в дугу отвязных террористов. Ермолаев этот фильм четыре раза смотрел, посмотрел бы и пятый, но сейчас мельтешенье фигур на экране почему-то удручало его, он ушел в спальню и лег, хотя едва пробило девять.

Снег прижимался к стеклу большой мягкой лапой. Свет уличного фонаря бледно отражался в круглом черном боку высокой печки. В маленькой комнатке было душно и жарко. Виктор сбросил с себя одеяло, но, услышав шаги жены, снова натянул его и отвернулся к стене.

Кровать легко колыхнулась под телом жены, и напряженного плеча Ермолаева коснулась ее ладонь:

– Ты что? Заболел?

– Устал... – невнятно произнес Виктор, уткнувшись в подушку. – Голова...

– Говорят, тебя телевизионщики сегодня снимали? – с улыбкой в голосе спросила Люба. – Смотри, чтобы снова там чего-нибудь не напутали, а то опять не будешь знать, как оправдаться.

Ермолаев даже ногти в ладони вонзил, чтобы не обрушиться на жену. Как она смеет?! Да разве Снегурочка может что-нибудь напутать или нарочно подтасовать факты?! Люба ничего не понимает. Ну зачем не в свое дело лезет?

Обычно она была сдержанной, как бы чуточку прохладной, а сегодня что-то липла неотвязно. То руку на плечо положит, то по голове погладит. Никто не знает, каких сил стоило Виктору сдерживаться, не тряхнуть брезгливо плечом, чтобы сбросить эту неприятную руку, не ругнуться: отстань, мол, отцепись, отвяжись, изыди!

Наверное, такое ощущение знакомо всем мужчинам, женатым уже много лет. Ермолаев никогда не задумывался о том, что тринадцать лет – это много. Сейчас казалось – бесконечно. Как он выдержал?

– Забавно, что мирская слава настигла тебя именно на той работе, к которой так не хотели подпускать родители, – заметила Люба, которая, конечно, была в курсе того, что ему запретили когда-то идти в автодорожный техникум. – Жаль, что они уже не смогут эту передачу посмотреть... – Она усмехнулась.

Родители умерли несколько лет назад. И Ермолаев вдруг почувствовал себя страшно оскорбленным из-за того, что Люба усмехается. Над ними, что ли?!

Он знал, что это глупости, что зря цепляется, но ничего не мог с собой поделать. И зачем она пристала? Сколько раз Виктор уходил от телевизора и ложился спать пораньше, потому что вставал раньше всех в доме... Завтра, правда, выходной, но зато он устал, он так устал сегодня...

Чует что-то, да? А что чуют, когда он и сам не понимает, что с ним творится?

Любина рука мягко скользнула под одеяло.

Виктор делано всхрапнул. Ч-черт, как нелепо... так вот чего она хочет, оказывается! Сколько раз она вот так же начинала демонстративно посапывать, изображая ужасную усталость. А теперь и Виктор пустился на бабьи уловки!

Вынужден был пуститься. Потому что не хочет – жену не хочет. А хочет он... Он оборвал свои крамольные мысли. Побоялся – вдруг вырвутся наружу?! Вдруг Люба их поймет?! Догадается о них?

Лежал и старательно, изо всех сил сопел. Якобы спит непробудным сном.

Люба посидела еще немножко, потом, вздохнув, погладила его ласково по голове и вышла из спальни.

«Джон Макклейн!» – донесся до него рев телевизора, а потом дверь закрылась и отсекала Виктора от вечерней жизни его семьи. Его как-то сразу разморило от усталости и невнятного чувства не то вины, не то грусти, и он в самом деле заснул. Но, когда позже вернулась и осто-

рожно прилегла рядом Люба, проснулся и всю ночь маялся в рваной дремоте, боясь, что она прижмется к нему. Однако она как легла на краешке кровати, так и проспала там всю ночь.

* * *

Денис спрашивал о чем-то, но Люба не могла отвечать. За нее говорил Капитонов. Люба тупо смотрела в пол, улавливая только обрывки фраз: без пилотки, мясо, санитарная книжка просрочена, административная комиссия, штраф, двадцать тысяч...

– Сколько?! – ошеломленно переспросил Денис.

– Ну сколько-сколько, – вздохнул Капитонов. – Сколько слышал!

– Seriously? – Денис недоверчиво уставился на Любу. А она отвернулась к стене. Так невыносимо стало, что он видит ее зареванное лицо. Понимает, как ей больно, плохо. И злорадует, конечно, а как же иначе?! Сейчас вот скажет что-нибудь вроде «так тебе и надо!». Или: «что посеешь, то и пожнешь». Или вовсе заумь какую-нибудь: «коемуждо да воздастся по делам его!»

– Ладно, чего реветь-то! – сердито сказал Денис. – Пошли отсюда. – И дернул Любу за плечо. – Пошли-пошли!

– Да и правда, – согласился Капитонов. – Чего этих злыдней тешить? Пошли, я тебя в рынок отведу.

– Опять под конвоем?! – простонала Люба. – Нет, я не хочу!

Капитонов аж руки растопырил от изумления:

– Да какой я конвоир?! Я ж не по злобе, я ж по должности... Ладно, если хочешь – иди одна. Только мне все равно мимо топать. Вот и говорю: пошли за компанию.

– Ничего, на базаре сейчас без нее обойдутся, – решительно начал Денис. – Пусть немного в себя придет, куда ей с такой... – Он на долю секунды осекся, и Люба отчетливо ощутила, как долго эта доля секунды длится, как старательно он подыскивает слово... наконец выговорил: – С таким лицом! – Интересно, что он хотел сначала сказать: с физиономией? С рожей? С мордой? Все годилось, на самом-то деле... – Ну, пошли!

– Вы что, знакомы? – наконец-то начало доезжать до Капитонова. – Работаете вместе, что ли? Но я тебя ни разу не видал в рынке... – И подозрительно поглядел на волосы Дениса.

– Да я не тутошний, – хмыкнул тот. – Мы так... просто знакомы с Любовью Ивановной. Некоторым образом. Шапочно, впрочем. Да пошли, а то в конце рабочего дня туда всегда народ набегает.

– Ты ее куда зовешь-то? – озадачился Капитонов. – В аптеку, что ли? Валерьянку покупать? Ей бы сейчас лучше сто грамм...

– Хорошее дело, – хмыкнул Денис. – Мы над вашим советом непременно подумаем. Но сначала – к адвокату.

– Куда?! – хором спросили Люба с Капитоновым. – К какому еще адвокату?! – Этак здорово у них получилось, слаженно, ну просто заслушаешься!

Денис усмехнулся:

– Долго репетировали? К какому-какому... к простому. К самому обыкновенному адвокату по гражданским делам. Пошли, пошли! Потому что это безобразие на корню надо пресекать. Пошли, в сотый раз говорю, тут в двух шагах коллегия, там у меня знакомый работает.

– Ну тады лады, – проговорил Капитонов, не меньше Любы обескураженный и обезоруженный натиском Дениса. – А я – в отделение. Счастливо оставаться. И ты это... не переживай так. Не конец же света.

– Конца света не будет, – заявил Денис и подхватил Любу под руку: – Идем, время дорого!

Она почему-то его слушалась и руку из-под его локтя не убирала. Мыслей в голове не было никаких, нет, мелькала какая-то круговерть: мол, ну и личико у нее, конечно, после таких

слез годится, как написано в любимой книжке «Что сказал покойник», только чтобы сидеть на нем. Вспомнила про Степу – ну что Степа, что теперь... надо, конечно, вернуться на работу... Нет, это невозможно, там все накинута с расспросами, с лживыми сочувствиями... она этого просто не вынесет. Самый невинный разговор вызовет море слез, а у нее на это сил нет. Никого она не хочет видеть, все ей сейчас только помешают прийти в себя и обдумать, как быть дальше. А между тем Люба даже не заметила, как крепкая рука Дениса проволокла ее через дворы, и они оказались на Большой Покровке, перед дверью старинного серого здания. В числе прочих учреждений там разместились коллегия адвокатов и юридическая консультация. Туда Денис и привел Любу.

Их встретил низенький толстенький дяденька с большой головой с залысинами. На нем был серый костюм с широченными, как бы даже на вате плечами, в котором только в старых советских фильмах играть жуликоватых адвокатов. У него даже, кажется, золотые зубы поблескивали – настолько он был в образе. Впрочем, Люба к нему особенно не присматривалась. На нее навалилась нечеловеческая усталость, спать хотелось до невероятности: это всякая женщина знает, что после долгих слез очень хочется спать и сильно морозит. Любу тоже поколачивало, и она знай стягивала ворот плащика, ужасно жалея, что не навертела сегодня на шею шарф. Но вроде так тепло было с утра... Да ладно, в рынке она привыкла зябнуть, там же всегда прохладно, даже в самую-пресамую летнюю жару, а вот с сонливостью справиться оказалось трудней. Люба знай зевала, а про то, что с ней приключилось, рассказывал Денис, узнавший все от Капитонова. Люба как бы отпустила от себя случившееся – переживать уже совершенно не было никаких сил. И слушала свою печальную историю, как будто Денис говорил о ком-то другом. У него все вышло толково, коротко и совсем не похоже на тот триллер, главной героиней которого она себя ощущала. Но, кажется, адвокат (он назвал свою фамилию, но она у Любы, понятное дело, немедленно вылетела из головы, ну а то, что его зовут Леонид Семенович, запомнилось лишь потому, что Денис к нему знай по имени-отчеству обращался, Леонид Семеныч то да Леонид Семеныч се) все же в суть дела проник и этой сутью проникся, потому что вдруг сказал:

– Ну вот же сволочи какие! – и хлопнул ладонью по столу, так что подскочили маленькие стеклянные безделушки, в изобилии расставленные на процессоре его компьютера, и одна, изображавшая прозрачного зайчика с синими ушками, даже свалилась. Но зайчику ничего не сделалось, потому что он упал на пачку каких-то бумаг. Леонид Семенович зайчика заботливо подхватил, зачем-то дунул на него и поставил на место, а потом повторил: – Ну вот же сволочи какие! – только уже менее темпераментно, без хлопанья. – И повернулся к Любе: – На самом деле, они вас вокруг пальца обвели. Как самые настоящие жулики. В их действиях все противозаконно: во-первых, вы первый раз проштрафились; во-вторых, сумма несоразмерная, она ведь больше вашей зарплаты. К тому же вы не замужем, у вас дети. Что они там, в этой своей комиссии, с ума сошли? Да их на смех поднимут, если вы в суд обратитесь. Как бы не на-рваться самим на комиссию, которая признает их не соответствующими выполняемым обязанностям. Глупости! Какие еще штрафы?!

– Я в суд не хочу, – испуганно сказала Люба. – Там на издержках разоришься. Да если вдруг еще и присудят все-таки этот штраф платить... У меня таких денег нету, честное слово!

– Даже если бы и были, – отмахнулся Леонид Семенович, – это не мое дело, поверьте. В любом случае вы их с пользой потратите на себя, а не выбросите в бездонный карман государства. Ну ладно, я бы еще понял этих хищных баб-с, которые вам такую сумму выписали, если бы они потом эти двадцать тысяч промеж себя поделили и побежали на ваш же рынок – мясом закупаться. Или какой-нибудь дамской радостью, парфюмами, что ли, ну, я не знаю. – Он пожал своими внушительными ватными плечами. – А радеть вот этак-то для державы... Ну бред полный. Говорю, в суде дело ваше беспроектное будет. А издержки – они не так уж велики, это раз, а во-вторых, зуб даю, – он ухмыльнулся, и Люба снова увидела его «советскую»

фиксу, – что не вам их платить придется, их возложат на ответчика, а ответчик у нас в данном случае администрация района. Их, можете мне поверить, никакие издержки не разорят.

– Нет, – жалобно повторила Люба, – в суд я не хочу.

– Разве хочешь? – смешно развел руками Леонид Семенович. – Надо! Вы извините, что я на «ты» перешел, это просто один мой приятель так говорил. Ну, я и процитировал.

– Слушайте, Леонид Семеныч, – сказал просительно Денис. – Может, и правда не надо в суд? Любовь Ивановна и так изнервничалась. Это вам все нипочем, суд – родной дом, а нормальному человеку там до сердечного припадка дойти можно, сами знаете.

– Можно, – согласился Леонид Семенович. – Причем легко! Ну и на что ты намекаешь, дитя мое?

– Ну, вы же их всех знаете, правда? – с задумчивым выражением нагнулся к нему Денис. – Вы же можете позвонить и поговорить...

– Хм... – сказал неопределенно Леонид Семенович. – Нашел себе телефониста! Я адвокат, а не переговорщик со всякими административными пиявками.

– Ну считайте, что это вас Иван попросил, – с нажимом проговорил Денис. – А Иван в долгу не останется.

– Иван? – вскинул легкие, светлые брови Леонид Семенович, и его высокий, с залысинами лоб забавно сморщился.

– Он самый, – с тем же нажимом подтвердил Денис.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.